

Суворовский план 1793 года наступательной войны с Турцией

Год 1793 начался с ошеломившего Европу события — казни французскими революционерами короля Людовика XVI. Это подтолкнуло монархические силы к дальнейшей консолидации перед лицом мятежной Франции. Интенсивно формировалась новая европейская коалиция против нее. В марте она включала Англию, Пруссию, Австрию, Испанию, Голландию, германские княжества, Сардинию с Пьемонтом и Неаполь. В нее вошла и Россия. Англия и Россия в марте 1793 г. подписали конвенцию, направленную против Франции. Екатерина II привела российскую армию и флот в боевую готовность ко всему. Была усилена и тренировка войск на Днестре. Европа кишела агентами разного рода и государственной принадлежности, и до австрийского двора дошли сведения о намерениях Франции толкнуть Турцию, традиционно находившуюся под ее влиянием, к военному выступлению против России. Разворачивалась борьба между Францией и коалицией.

Между тем внешне русско-турецкие отношения оставались спокойными; произошел обмен посольствами между Портой и Петербургом, сопровождавшийся драгоценными подарками и уверениями в добрососедстве. В этой напряженной и полной ожидания военных конфликтов обстановке в придворных кругах Петербурга рождались разного рода проекты и планы, влиявшие на внешнеполитическую линию Екатерины II или оставшиеся личным мнением проектировщиков.

К началу 1793 г. относится план войны против Турции, составленный А.В. Суворовым. В появлении плана, возможно, определенную роль сыграл и психологический фактор: русский полководец, не проигравший ни одного сражения, не мог быть удовлетворен скромными условиями Ясского мирного договора, не соответствовавшими военным победам России в последней войне с Турцией. При этом военная стратегия Суворова в принципе носила наступательный характер, и это не могло не сказаться на его взглядах касательно Турции. План А.В. Суворова неоднократно упоминался в советской исторической литературе¹, но описание его

не связывалось с внешнеполитическими задачами в рамках "Греческого проекта" Екатерины II. Однако некоторые положения этого плана позволяют нам сделать предположение о такой связи.

План "окончания вечной войны с турками" был подготовлен Суворовым полководцем в период его пребывания в Херсоне, куда он был назначен императорским рескриптом 10 (21) ноября 1792 г. командующим войсками в Екатеринославской губернии, Крыму и вновь присоединенных по Ясскому мирному договору 1791 г. землям². Назначение А.В. Суворова на эту должность не было случайным. Обстановка на южных рубежах страны после заключения мира оставалась напряженной, тревожные сведения из Стамбула о стремлении Селима III к реваншу и реорганизации при помощи французских инструкторов турецкой армии и флота требовали укрепления боевой готовности русских войск и укрепления границы.

В мемуарной и исторической литературе приведено немало свидетельств о готовности А.В. Суворова принять участие в военных действиях в случае новой войны с Османской империей, о высказываниях полководца на эту тему в беседах с ближайшими сподвижниками, а также А.А. Безбородко и самой императрицей. Примечательно в этом плане свидетельство, приведенное в записках статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого. В записке от 22 ноября (3 декабря) 1792 г., со слов В.С. Попова, бывшего тогда начальника канцелярии князя Г.А. Потёмкина, он иронично отметил: "Суворов и Мордвинов спят и видят, чтоб войти с флотом в Царьград. Турки тотчас убегут; там останется до 300 тыс. греков — вот наследство вел. кн. Константину Павловичу"³. Важным, на наш взгляд, является упоминание о близости взглядов А.В. Суворова и начальника Черноморского адмиралтейства вице-адмирала Н.С. Мордвинова, еще в 1788 г. подавшего записку князю Г.А. Потёмкину с изложением плана завоевания Константинополя русской эскадрой, отправленной из Севастополя и Херсона ранней весной с тем, чтобы разоруженный на зиму турецкий флот был застигнут врасплох⁴.

С момента назначения на должность командующего южными войсками А.В. Суворов активно занимался приведением в боевую готовность сухопутных войск, строительством и укреплением оборонительных сооружений в Крыму и на Днестре, большое внимание совместно с вице-адмиралом Н.С. Мордвиновым и генерал-майором О.М. Рибасом уделял подготовке Черноморского флота и греческой флотилии. В январе 1793 г. в связи с рескриптом императрицы о подготовке высадки французского десанта в Средиземном море и возможными, по ее словам, "неприятными противу нас действиями" Порты А.В. Суворов представил графу П.А. Зубову план защиты черноморских берегов, собственное мнение по этому пово-

ду высказали и другие военные деятели⁵, в частности О.М. Рибас и генерал А.Н. Самойлов. Следует отметить, что в целом они скептически оценивали успех возможного турецкого десанта в Крыму в этот период и считали, что “положение наше против турок не есть оборонительное, а наступательное”⁶.

В течение 1793 г. А.В. Суворов вел активную и чрезвычайно насыщенную переписку с российскими представителями в Османской империи. В донесениях поверенного в делах в Константинополе А.С. Хвостова, генерального консула в Яссах И.И. Северина приводились подробные сведения о состоянии турецких крепостей, численности и приготовлениях морского линейного и гребного флота, о действиях французской агентуры в Стамбуле, о волнениях в балканских провинциях империи (бунт шкодерского Махмуд-паша)⁷. В сентябре 1793 г. в Константинополь прибыл в качестве российского чрезвычайного и полномочного посла М.И. Голенищев-Кутузов, сообщения которого также стали важнейшим источником сведений о состоянии дел в Порте для А.В. Суворова⁸.

Пожалуй, наиболее примечательным документом в суворовской переписке второй половины 1793 г. можно считать сообщение саксонского советника Ф. Антинга, будущего адъютанта и первого биографа фельдмаршала А.В. Суворова. По просьбе последнего Ф. Антинг, находившийся в это время в Константинополе, подготовил ответы (всего на 23 страницах) на 22 вопроса, касающихся оборонительных сооружений Проливов, средств константинопольского адмиралтейства, реформ армии, источников воды, расположений важнейших зданий и резиденций в городе, политических взглядов султана и наиболее значительных сановников, положения в христианских провинциях, состояния дорог и т.д. В донесении Ф. Антинга были приведены сведения об этническом составе населения Константинополя: 500 тыс. турок, 150 тыс. греков, 180 тыс. армян, 2 тыс. французов, 30 тыс. евреев — всего 862 тыс. человек⁹.

Превосходное владение информацией о состоянии турецкой армии и флота, отличное знание географических особенностей предполагаемого театра военных действий, опыт кампаний П.А. Румянцева и Г.А. Потёмкина, собственный опыт участия в военных действиях против турок легли в основу плана, продиктованного А.В. Суворовым по-французски инженер-полковнику Ф.П. де Волану 10(21) ноября 1793 г. в Херсоне и отправленного по высочайшему требованию в Петербург в начале января 1794 г.¹⁰

План А.В. Суворова представляет собой объемный документ (32 страницы), дающий исключительно важный материал для изучения взглядов полководца по проблемам подготовки и планирования военных действий, взаимодействия между сухопутными и мор-

скими силами, привлечения к активным действиям населения Балкан. Автор четко сформулировал стратегические задачи возможной войны и ее отдельных кампаний, определил потребности в силах и ресурсах, назначил место и время для их сосредоточения.

План носит чисто наступательный характер: “Нужно начинать поход как можно раньше, чтобы они (турки. — И.Б.) не успели собрать своих войск и переправить их к Дунаю”¹¹. План Первой кампании и военных действий “по ту сторону Днестра” предусматривал взятие силами трех корпусов и гребного флота Аккермана, Паланки, Килии, Измаила, Браилова, Хотина, Журжева (Джурджу), Рушука и других крепостей; предполагалось “завладеть Валахией”, “как следует разбить неверных в открытом поле” и взять “реку (Дунай. — И.Б.) до самого ее устья”¹². В целях концентрации сил А.В. Суворов из более 20 намеченных им к захвату крепостей предлагал оставить только 2, а остальные “сравнять с землею, чтобы не держать там сторожевых постов и не размещать войск”¹³. Для начала военных действий, по мнению полководца, достаточно было 60 тыс. человек (всего 100 тыс., включая десантные войска гребного флота), важным фактором он считал время: оно “дороже всего и нужно научиться беречь его”. Первостепенное значение А.В. Суворов придавал взятию Варны “сразу или после приступа” в результате Первой кампании, после чего войска могли бы отправиться на зимние квартиры в Болгарию¹⁴.

В изложении плана Второй кампании А.В. Суворов отметил возможность привлечения балканских христиан (греков, болгар, черногорцев). Довольно реалистично оценивая их способность к участию в военных действиях (“если бы их оказалось большое число в наших войсках, они сделались бы скорее обузой и поглотили их”), он считает целесообразным привлечь островных греков для корсарской и каперской службы, болгар — для “учинения туркам основательных диверсий”. Более активное участие христиан при условии создания из них отборных корпусов возможно, по его мнению, на заключительном этапе войны¹⁵.

Целью Второй кампании являлся переход через Балканы и взятие Константинополя сухопутными войсками при поддержке флота. А.В. Суворов наметил маршруты движения войск (два пути на Константинополь из местечка Канара), места для устройства складов, боевых запасов. Центральным моментом суворовского плана являлось взятие Константинополя. Решение этой задачи, по мнению полководца, должен был предварить ночной десант в составе 10–11 тыс. человек (из них 5 тыс. — черноморские казаки) на укрепления Константинопольского пролива Порнас и Карапче. При условии участия балтийского флота, успешного форсирования им Дарданелл и захвата береговых батарей взятие самого Кон-

стантинополя представлялось возможным А.В. Суворову двумя путями: блокадой или — при условии ожесточенного сопротивления — немедленным приступом, в ходе которого “придется сжечь положительно весь город”¹⁶. По замечанию Суворова, огонь одновременно уничтожил бы опасность распространения чумы, которая не переводится в некоторых частях города. Это замечание о пожаре в Константинополе ассоциируется с изображением медали, подготовленной Екатериной II на случай падения Порты: крест в облаках, мечеть, пожар и надпись “Потщится и низринется”¹⁷.

По оценкам А.В. Суворова, мусульманское население в Константинополе к моменту осады составит с остатками разбитой армии 500 тыс. человек (из них 100—120 тыс. способных носить оружие) и до 120 тыс. христиан, большая часть которых может выступить на стороне русских войск. Заканчивая план двух кампаний, полководец призывает удвоить приготовления к ним, поскольку, по его словам, проблема Константинополя должна разрешиться в скором времени и “к обширной Империи, имеющей счастье находиться под милостивым попечением Вашего Величества, присоединим европейские области, изнемогающие под игом врагов Имени Христова и Веры”¹⁸.

В плане, а в большей степени в набросках к нему А.В. Суворов наметил перспективы политических изменений на Балканах: создание Греческой империи, которая, по его мнению, будет состоять из собственно Греции и Негропонта (о. Эвбея в Эгейском море), независимость шкодерского Махмуд-паши, а также возможность предоставления территориальных компенсаций другим государствам: австрийский двор получит часть округов Боснии и Сербии, Венеция — часть Далмации и некоторые острова архиепископата, Англия — Кандию и, кроме того, преимущества в левантской торговле. В набросках А.В. Суворов предусмотрел также изменение военных действий в случае, если “австрийский дом будет втянут турками в войну”¹⁹.

О непосредственной реакции Екатерины II на суворовский план данных нет. Однако прямым ответом императрицы, на наш взгляд, можно считать высочайшие именные повеления, направленные 16 (27) января 1794 г. президенту военной коллегии графу Н.И. Салтыкову, командующему войсками на южных и западных рубежах империи Ю.В. Долгорукову, А.В. Суворову-Рымникскому, И.В. Гудовичу, О.А. Игельштруму²⁰. Содержание этих указов, практически обойденное вниманием исследователей, свидетельствует о намерении императрицы в случае необходимости предусмотреть наступательную стратегию в войне против Османской империи.

В высочайших повелениях 16 (27) января 1794 г., почти идентичных по форме и содержанию, Екатерина II, ссылаясь на “угро-

жение войною” со дня заключения мирного договора, нарушение и невыполнение его статей, а также известия о намерениях турок “открыть противу нас войну чрез три месяца”, требовала принять все необходимые меры “не токмо к отражению их и к защите своей, но и по внесению всегда торжествовавшего оружия НАШЕГО, в сердце областей Турецких”, а также поручала подготовить войска, чтобы они могли быть “в самой скорости устремлены наступательно до самых берегов Дуная и далее”²¹. О серьезности намерений императрицы свидетельствуют определение момента начала войны (в случае, если “Мы или союзник Наш император Римский от турков атакованы будем”), снабжение командующих запасным расписанием войск с указанием сборных мест и предполагаемыми направлениями наступательных операций, требования закладки необходимых для движения войск “магазинных” с обозначением мест и указанием назначенных для этого сумм (только Ю.В. Долгорукову выделялись на эти цели 200 000 руб.)²².

Особое значение придавалось наступательному характеру действий русских войск: “...по первому известию о разрыве мира с Нами или Императором” различные части русской армии соединить в назначенных местах “в ожидании дальнейших наших повелений о плане подлежащих наступательных военных операций и тотчас по объявлении войны переправить их через Днестр”, далее “действовать к Дунаю тотчас после разрыва”²³. Переход к неожиданному для врага наступательным действиям императрица определяла в качестве важного фактора успеха: “...воспользоваться можно неготовностью турков и при самом начале удивить их такими предприятиями, коих вовсе не ожидали и к отвращению коих не найдутся в готовности”, таким образом, по ее мнению, “приобрести можно с меньшими силами, с меньшими издержками и с малою потерей выгоды несравненные, посредством коих и прочного мира скорее достигнем”²⁴. Успешные наступательные действия предоставят, по словам Екатерины II, не только возможность низложить “врага имяни Христианскаго скорыми и дальнейшими над ним победами”, но и пресечь действия потенциальных союзников Порты²⁵.

Предписания о подготовке флота к возможной войне получили Н.С. Мордвинов и О.М. Рибас. Им было дано указание привести флотилии “в наилучшее нападательное состояние” и к 1 (12) апреля соединить их в Аджибее²⁶. В высочайшем указе А.В. Суворову 16 (27) января 1794 г. императрица отмечала значение в этой войне флота, который “достигнуть может до торжественного успеха и чесменским пламенем объять стены Цареградские”²⁷.

О военных приготовлениях Екатерины II в начале 1794 г. было известно в петербургских придворных кругах. В марте 1794 г.

язвительный граф Ф.В. Ростопчин писал, что “война для России неизбежна”, императрице “непрерменно хочется достигнуть своей цели и наполнить газеты вестью о бомбардировании Константинополя”, она “по-прежнему желает обеспечить великому князю Константину Павловичу Молдавию и Валахию и воцарить его там”²⁸. О неизбежности войны сообщал в письме С.Р. Воронцову хорошо осведомленный граф П.В. Завадовский: “...самая связь вещей влечет к решительному удару. Ты ведаешь давнишняя желанья”²⁹. Как видим, возможность войны с Турцией присутствовала в умах Екатерины II и ее окружения, но лишь как планы возможного будущего.

В апреле 1794 г. в Петербург поступили сведения о волнениях в польских областях, переросших в ширококомасштабное восстание. В рескрипте от 24 апреля (5 мая) 1794 г., поручая руководство объединенными русскими войсками П.А. Румянцеву-Задунайскому, императрица отмечала, что война с Турцией “не может так скоро произойти, чтоб воспрепятствовать Нам в усмирении мятежа польского, которым всемерно поспешать должно, упреждая дабы в случае разрыва с Портою не иметь сугубых затруднений”³⁰. Польские события в конечном итоге не дали возможности осуществить план “вынужденной” войны с Османской империей.

Проект А.В. Суворова остался фактом состояния русской военно-политической мысли, прежде всего настроений самого полководца, в неустойчивой международной ситуации в Европе начала 90-х годов XVIII в. Развитие российско-турецких отношений перед лицом нарастания наполеоновской агрессии пошло по пути сближения Петербурга и Порты, завершившегося историческим союзным договором 1799 г.

¹ Крупченко И. А.В. Суворов и военное искусство // Военно-исторический журнал. 1980. № 10. С. 71–75; Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках / Сост. и вступит. ст. О.Я. Сарниа. М., 1990. С. 17–18; Суворов А.В. Документы. 1791–1793 / Под ред. Г.П. Мещерякова. М., 1952. Т. 3. С. XI–XII.

² Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 129.

³ Дневник А.В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 243.

⁴ План, поданный графом Суворовым на утверждение Ея Величеству Императрице в 1795 году // Русский архив. 1914. Кн. 2. С. 179.

⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 20. Дела военные. Ед. хр. 339 (ч. II). Л. 79–80.

⁶ Там же. Ед. хр. 365 (ч. II). Л. 127–131, 177–186.

⁷ Переписка А.В. Суворова 1793 г. частично опубликована: Из бумаг фельдмаршала князя Суворова // Русский архив. 1878. Кн. 1. № 2. С. 140–152; Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 142–272; Он же. Походы и сражения в письмах и записках. С. 343–351; Он же. Письма. М., 1986. С. 245–263.

⁸ О пребывании М.И. Голенищева-Кутузова в Стамбуле см.: Шеремет В.И. Сафьяновский портфель М.И. Кутузова // Сб.: XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 119–125.

⁹ РГАДА. Ф. 15. Ед. хр. 475. Л. 1–12.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. I. Л. 1, 4–18; Ч. II. Л. 1–16. В деле две копии суворовского плана. Первая копия плана (Ч. I. Л. 1, 4–18), представленная кавалером Маллия в 1806 г. и ошибочно им датированная, опубликована на рус. яз. в: Русский архив. 1914. Кн. 2. С. 159–175, а с уточнением даты в: Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 252–266. Вторая копия (Ч. II. Л. 1–16) с указанием даты и места составления идентична публикации плана на языке оригинала в труде А. Петрушевского “Генералиссимус князь Суворов” (Т. 2. СПб., 1884. Приложение III к главе XIV. С. 431–447). В данной статье автор ссылается на копию, хранящуюся в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 1–16).

¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 3.

¹² Там же. Л. 3–5.

¹³ Там же. Л. 4–5.

¹⁴ Там же. Л. 5–6, 9.

¹⁵ Там же. Л. 10; Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 250–251.

¹⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 16.

¹⁷ Кое-что о временах Екатерины II-й (Из записок Н.В. Сушкова) // Русский архив. 1865. М., 1866. С. 615.

¹⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17785. Ч. II. Л. 16.

¹⁹ Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 250–251.

²⁰ РГВИА. Ф. 29. Именные высочайшие указы 1794 года. Оп. 1/153-в. Д. 2а. Л. 3–24. Текст указа А.В. Суворову опубликован: Суворов А.В. Документы. Т. 3. С. 272–277.

²¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 1/153-в. Д. 2а. Л. 5, 11.

²² Там же. Л. 6, 8, 25–28.

²³ Там же. Л. 5, 7.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 15.

²⁷ Там же. Л. 16.

²⁸ Письмо графа Ф.В. Ростопчина о состоянии России в конце Екатерининского царствования // Русский архив. 1878. Кн. 1, № 3. С. 295. Ф.В. Ростопчин не точен: у Екатерины II никогда не было планов по-

садить Константина в Дунайские княжества. Она предназначала его в качестве императора Греческой империи.

²⁹ Архив князя Воронцова. Кн. XII. Бумаги графов Александра и Семёна Воронцовых. М., 1877. № 71. С. 104.

³⁰ Из бумаг князя Потёмкина-Таврического // Русский архив. 1865. М., 1866. С. 750.

И.И. Лещиловская

Екатерина II

в сознании сербов-современников

История русско-сербских связей всегда привлекала внимание исследователей. Но при этом остается слабо изученным взаимное восприятие народами друг друга в прошлом. Это тем более касается общественного взгляда на государственных деятелей, отношения сербов к царствующим лицам в России. В литературе вообще не освещалось восприятие сербами во второй половине XVIII в. главы России того времени Екатерины II. Настоящая статья ставит задачей восполнить исследовательский пробел.

В глазах сербов-современников Екатерина II персонифицировала Россию, поэтому и взгляд на императрицу окрашивался отношением к мощной славянской державе в целом. При этом разные группировки сербов проявляли различное понимание деятельности главы государства.

Восприятие сербами Екатерины II, опираясь на славянское родство и языковую близость сербов и русских, религиозную общность и традиции взаимопонимания, определялось в конечном итоге внешнеполитическими успехами императрицы в противостоянии России и Турции. Победы российского оружия на Балканах были самым сильным аргументом в пользу повышенного внимания сербов к царствующей особе.

Во второй половине XVIII в., как и ранее, наибольшим авторитетом у сербов пользовалась православная церковь. Но у них не было единой церковной организации, и сербская церковь на территории, подвластной Порте, австрийскому двору и венецианскому сенату, занимая неодинаковое положение, проявляла себя сообразно с местными обстоятельствами. Но во всех случаях ее позиции касательно Екатерины II определялись традиционными связями с единой Россией, конкретными нуждами церковной организации и потребностью в опоре для улучшения положения сербов.

Сербское духовенство постоянно обращалось к Екатерине II за помощью. Но ее характер мыслился церковными лицами в Австрийской монархии и в землях, находящихся под властью Порты, притом в разное время, неодинаково. Так, в 1764 г. сербский епи-